

эмпирии, выглядит противостоящим официальному средневековью; богоравный алхимик — послушливому христианину. Может быть, алхимик умеет синтезировать, соединять *имя* и *вещь*, являя в собственной деятельности рационально-сенсуалистический опыт средневековья, одолевая разрыв *земного* и *небесного*, *плоти* и *духа*; осуществляя средостение средневековой схоластики и средневекового ремесла, но «плохой» схоластики и «плохого» ремесла? Но это все как раз не умсет делать средневековье. И тогда алхимия — не средневековая деятельность? Вместе с тем алхимия — средоточие инокультурных преданий. Так по крайней мере кажется на первый взгляд. Пограничный, двуфокусный феномен по всем параметрам: как опытно-теоретическая деятельность, как мифокультурное образование, как идеологический комплекс.

Как будто так. Но как такое оказалось возможным и каково историческое последствие сопряженной жизни алхимии с иными элементами средневековой культуры? Может быть, химия нового времени? Возможно.

А еще? Преобразование культуры средних веков на пути к культуре-науке нового времени, новонаучному мышлению? Кажется, так оно и есть.

Вот мы и начали мало-помалу синтезировать *свет* из семи его спектральных линий. Но пойдем дальше, вновь обратившись к историографии предмета, взяв на этот раз именно те версии, которые особенно созвучны нашей задаче.

МАРСЕЛЕН БЕРТЛО был первым, кто широко взглянул на алхимию. Многознание вознесло исследовательский ум Бертло над плоской равниной его собственной химической доктрины. Внимательный читатель его сочинений по истории алхимии сможет найти в них почти все, что можно найти в алхимических текстах.

«Science intermédiaire» — так определяет алхимию Бертло. Алхимия, согласно Бертло, переходная ступень между древним состоянием умов, порабощенных магией и теургией, и современной мыслью — абсолютно позитивной. Далее, понимая алхимию все же как химию, Бертло считает — не без некоторых оснований, — что химия не является исконной наукой, как геометрия или астрономия. Она образовалась из остатков предшествующей научной формации, полухимической и полупозитивной, основанной на медленно собранном сокровище практических открытий металлургии, медицины, промышленности и домашнего хозяйства. Речь идет об алхимии, претендовавшей одновременно обогатить своих адептов, научив их изготавливать золото и серебро, охранять их от болезней с помощью панацей, наконец, доставить им совершенное счастье, соединив с душой мира и вселенским духом... Вот почему в истории алхимии ученые фигурируют наряду с маньяками (*hallucinés*), шарлатанами и даже иногда с преступниками (Berthelot, 1885 [1938], с. VIII, 1—2).

Не соглашаясь с предложенной Бертло идеей «промежуточности» алхи-